

Станислав Хабаров

НАШИ КОРАБЛИ

16+

Станислав Хабаров

Наши корабли

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Хабаров С.

Наши корабли / С. Хабаров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Постскриптум. О жизни по разные стороны океана во время войны и в пандемию. Связанное и не связанное с кораблями. В канун собственного девяностолетия. Не очень важное, но и не пустое. Что было, да прошло.

© Хабаров С., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Станислав Хабаров

Наши корабли

(Размышления в пандемию)

В яме.

Наступил вечер и на горизонте между курчавыми зелёными вершинами зажглась вечерняя звезда. У неё был пронзительно яркий свет, хотя источник её находился от нас, казалось, крайне далеко. Она выглядела из моего окна маяком над морем леса, раскрашенного в особенности осенью в яркие цвета.

С детства тянули меня к себе маяки. Странные строения, населённые особенными людьми. Где-то на краю земли тянулись вверх их одинокие сооружения, своим светом подсказывая путь кораблям в каботажном плавании, проходящим мимо или блуждающим вблизи берега. Кто их смотрители и как подсказала им судьба стать отшельниками, полезными и заслуживающими уважение, но предельно одинокими людьми? В чем логика их выбора и чем оправдан он по большому счёту?

В доме напротив зажигались свои габаритные огни. Дом, напротив, похож на десятипалубный корабль, движущийся с нами параллельным курсом, не отставая и не обгоняя. Сходство с круизным лайнером ему придавали линии балконов, уступчиво опоясывающие здание, и «рубка» на крыше каких-то технических служб, с виду напоминающая корабельную. Не было только надписи на борту, и я условно зову его для определённости MSC «Bellissima» за сходство с многопалубным круизным лайнером.

Дом-корабль «Беллиссима».

Наше движение условное. Нам уже некуда двигаться. Мы вместе с «Bellissima» стали здесь на вечный прикол. Это мы с сожалением осознавали. Нашему здешнему появлению предшествовали события, ставшие громом среди ясного неба для нас. «Жили- не тужили и вот те на».

Космонавты прошлого столетия, в соседстве с которыми прошла моя рабочая жизнь, были суеверны и заменяли в словах о полёте «последний» на «крайний». Вот и теперь моя «крайняя» метка появилась от того, что владельцы жилого комплекса «Одиссей», в котором я до этого безбедно жил, объявили, что дешёвое субсидированное жильё в доме закончилось, сроки договора с каунти исчерпаны и ничем не сдерживаемая рыночная рента рванула ввысь, став нам не по карману. Мы не годились для неё и с этим жильём нам следовало расстаться. Со всем, что было и не особенно ценилось до сих пор.

С террасой крыши со столиками и грилями, и видом на Потомак, Молл, обелиск Джорджа Вашингтона, Капитолий. С плавательным бассейном на крыше, обставленным вазонами гибискуса, с огромным тренажёрным залом с кафедрал-собором на горизонте в окне и прочими апартаментами общего пользования, сауной, деловыми бизнес-комнатами. Всем, что предоставлял бесплатно жильцам жилой комплекс-люкс.

Вот уже пятнадцать лет мы живём в столице Америки.

Жизнь сама по себе состоит из отдельных жизненных циклов-блоков. И последний для каждого из нас драматичен сам по себе. Проработав всю свою сознательную жизнь в королёвском КБ, я 70-ти лет закончив бурную деятельность, очутился в Америке. Виновником нашего переезда на другой континент стал наш сын-художник. Он сотрудничал в российско-американском журнале во времена перестройки, а затем в Америку переехала вся семья. У нас в России никого из близких родственников не осталось, и мы с женой перебрались к нему. Здесь был пятнадцатилетний период становления. И когда моя американская жизнь, казалось, устаканилась, поступил пороговый сигнал, и моя последняя ступень недвусмысленно обозначилась.

Что было нашим здешним началом в двух словах? Мы жили новопришельцами этой гостеприимной страны. Немного учились языку: сначала в бесплатной школе при церкви, затем в образовательном центре, поработали клерками в арлингтонском центре по трудоустройству. И когда минуло пять лет нашего пребывания на американской земле, мы получили пособие, на которое безбедно стали жить в субсидированном жильё, за которое платили «по-божески».

Наш дом был кондоминиумом – то есть домом собственников. Он был построен по особому проекту и входил в число образцов архитектуры. По утрам вип-жильцов дома ожидали у подъезда огромные чёрные машины, у которых чёрные шофёры при галстуках и в форме, имели безразличный вид, потому что им следовало спокойно ожидать жильцов – миллионеров не зная, когда те соизволят выйти, и часто это длилось часами.

Мы жили здесь десять лет. Как и всё в этом мире, наш дом на глазах портился. Он стал уже не таким, как когда мы въезжали в него. Сменились состав жильцов и круглосуточно дежуривший обслуживающий персонал. Он стал демократичней и почернел. Миллионеры-випы сгинули, а у подъезда и в подземном гараже грудились обычные среднестатистические автомашины.

Мы получили письмо о разрыве прежних договорённостей. Потребность в доступном малооплачиваемом жильё здесь очень велика. Конечно, речь идёт о безопасных районах, без наркоманов и особых запущенных анклавов эмигрантов со своими особыми законами и правилами. В таких районах поселиться не составляет труда, но без гарантии для безбедного существования.

До этого мы успели пожить уже в разных местах Вирджинии: под боком центрального Вашингтона; у леса и озера в отдалённом районе Кингс парк, в начале Ричмонд-хайвея и, наконец, в Хрустальном городе – Кристалл-сити. Всё это были прекрасные места. Но обстоятельства теперь не позволяли нам долго выбирать и на виду свободных удобных доступных квар-

тир не было. Искать пришлось в районах новостроек и там, где ищет новоприехавший народ, латиноамериканцы и афроамериканцы из стремительно разрастающихся семей.

Вашингтон становится всё более интернациональным городом. Из «понаехавших» здесь больше всего латиноамериканцев. Мы имели с ними «шапочное знакомство». Каждый год мы по российской привычке выезжали на неделю к морю ривьерного мексиканского побережья, но меня тянуло теперь погрузиться в Латинскую Америку с головой, оказаться здесь как бы на собственном «берегу Маклая». Латинская Америка казалась нам и духовно близкой. В искусстве мы были тогда покорены сериалами Бразилии. Шедеврами Мануэла Карлоса и Рикардо Ваддингтона. Всё в них нам казалось уместным и верным по духу, хотя, может, было книжным и выдуманным.

Думаю, пришло время рассказать о моём проекте. В детстве кто не мечтал о путешествии к берегу Маклая. Очутиться в загадочном неизвестном, получить кайф от такого поворота в юности. Думать о этом в зрелости, наивно и безнадёжно в старости, когда лет тебе остаётся меньше, чем пальцев на руке. На осуществление подобного не хватает ни сил, ни средств. Но обнаружился льготный вариант. Как говорится, «не было счастья, да несчастье помогло».

Мы занялись поисками квартир. Несколько микрорайонов на вскидку привлекало наше внимание. Можно было поискать и рядом, в Росслине, хотя, правда, там всё было плотно застроено и заселено. Или в великолепном Кристалл сити – в котором нам так было хорошо, пока мы не переехали, хотя и вовремя это сделали. Коронавирус старательно посёк контингент великовозрастного «Клэридж Хауза». Ещё один район показался нам тогда в этом плане перспективным. Колумбия пайк – арлингтонская улица, в удалённой части своей облюбованная выходцами из Южной Америки, на глазах застраивалась высококлассным жильём. Получить здесь доступное жильё было возможней, чем где-либо.

Columbia Pike.

Колумбия Пайк – улица, прямая как стрела, рванувшая с востока на запад от аскетической геометрии загадочного Пентагона с одной стороны и небоскрёбов Хрустального города с другой. Здесь у её истоков и красивейший вашингтонский молл, который был прежде ещё лучше с высокими пальмами внутри. Их затем отчего-то убрали, лишив Пентагон Сити Молл исключительного своеобразия и неповторимой красоты.

Свояченица нашего сына, обозвав наш новый дом «домом для убогих», была не права. Потому что он был домом лиц с ограниченным доходом. Наш дом показался нам прекрасным. Наша квартира размещалась на последнем восьмом этаже. Из наших окон открывался прекрасный вид на зелёный холм, сквозь завесу которого выглядывали местные дома стенами средневекового замка. Фрагменты их были невелики, так что воображением их можно было дорисовать, как угодно.

До тех пор я редко попадал в здешний ареал обитания. Необычен был район и своей историей. Вирджиния ведь – сплошь история. Именно сюда 400 лет назад были привезены шестеро англьцев-невольников, тем самым положив начало афроамериканскому заселению страны. Колумбия Пайк пролегла по прежнему коровьему пути.

Умом я понимал, что, поселившись здесь, придётся мириться и с некоторой житейской бесцеремонностью. Например, с криками со двора: «Эрнесто, выходи!» Что будят в каре густо заселённых домов не только Эрнесто, потому что призывы могли прозвучать в любое время суток. И взаимодействовать придётся, и жить с этим пресловутым Эрнесто, воспринимающим жизнь по-своему, в детской простоте. Но решив так для себя, я с некоторых пор стал лицом заинтересованным и сдвигал по желанию здравый смысл то в одну, то в другую сторону, чаще приукрашивая невыгодное и усиливая желаемое.

Итак, мы стали жителями Колумбии Пайк, точнее улицы её пересекающей. От центральной Колумбии Пайк «в двух шагах». Наша улица резко ныряет вниз, и поэтому мы сразу назвали наш дом «домом в яме». Он был высок и отличался от окружающих, от трёхэтажных, стадом теснившихся рядом, относящихся к тому же разряду доступных-аффордабельных. Район этот, впрочем, чуть раньше начал облагораживаться. До этого построили соседний девятиэтажный богатый дом, с правами кондоминиума. Наш дом стал здесь как бы по значению вторым.

Наш берег Маклая.

Возможно, электрическая звезда, зажигавшаяся вечерами на холме, могла показаться нам путеводной, как яркие Сириус и Канопус для космических кораблей, но мы этого не осознавали и только дивились яркому свету, отличающему её от всего светящегося вокруг. Лица в автобусе казались знакомыми по энциклопедии «Ольмекскими головами». Их тесали по заказу три тысячи лет назад из огромных базальтовых валунов, пытаясь сохранить чьи-то характерные черты. И это был совершенно напрасный труд, потому что в автобусе и кругом имелись живые их копии со смуглой кожей, с блеском глаз и интересом к окружающему.

Мобильный телефон они считали атрибутом цивилизации и теперь не отрывали его от уха в любых местах. Вереща не переставая, они тем самым как бы самоутверждались. И когда на них оборачивались, они делали удивлённые глаза: как можно осуждать такое культурное занятие, как телефонный разговор? «Научили на свою голову, – думалось мне вместе с нелестным сравнением с говорящими попугаями.

«Ольмекская голова» из дыни.

Чернокожие, встречные на тротуаре спуска, приветствовали тебя ослепительной улыбкой, которая не оставляла сомнений, что если так дело обернётся, то эти встречные тебя с удо-

вольствием съедят. Причём за милую душу и с улыбкой, не заморачиваясь. Мы с ними взаимно даже в какой-то мере гарантировали это. Им будет кайф, а нам в любом случае просто некуда будет деться в силу политкорректности.

Есть драйв почувствовать себя в этих местах таким инопланетянином. Впрочем, не стоит обольщаться. На втором общем этаже у лифта с нами заговорила по-русски темнокожая молодая женщина. Хотя что в этом удивительного? В Танзании, например, исследователи обнаружили племя каннибалов, говорящих на чистейшем русском языке. Они были настроены воинственно и воспринимали иноплеменных исключительно как еду. А что касается соседки, по её объяснениям она, видимо, стажировалась в Москве в ЦИАМе, на улице Солдатской, бывшей Петропавловской, в Институте авиационных моторов. То есть в каком-то смысле была коллегой по моей прежней деятельности. Странно встречать коллег и сослуживцев из прежней жизни на другой стороне земного шара.

Из общественных зданий неподалёку от нас располагался Милл Центр. Названием он был от каких-то древних мельниц на маленькой красочной речке, что по-прежнему текла между гранитных берегов, радуя жителей этих мест природной красотой. Милл Центр и прежде был нам знаком. Десять лет назад он находился тут же в одноэтажном здании, но позже реконструированный сияет здесь же новыми этажами и стеклом. Мы посещали здесь бесплатный класс обучения английскому языку, и нашими сокурсниками были приезжие из разных мест, больше из южноамериканских стран.

Впрочем, одно для меня было утешением. Я отправлялся как бы в безбилетное путешествие и не по соседним столичным районам, а в иную страну. В Латинскую Америку, которую мы до этого только формально ежегодно посещали, оставаясь безвылазно в курортном раю. Теперь же предстояло полностью погрузиться в латинский быт с головой, в то, что так или иначе само собой неуклонно пёрло через границу с юга в Америку, поменяв уже напрочь её исходную англо-саксонскую суть.

На курортном мексиканском берегу.

Тот год неудачно сложился для меня. Сначала был переезд и его потери. Пропавшие в переезде ящики лучших книг и разные вещи, которых позже хватились, и общая неразбериха в бумагах и вещах. Затем катаракта, о которой мне давно объявляли и которая накапливалась и вдруг проявилась разом, потребовав внимания к себе. Потребовалась операция. Через день после неё повязку с моего правого глаза сняли, но чуда не произошло. Глаз также видел, как через мутное стекло. Хирург снова так и сяк рассматривал мой глаз через свою аппаратура, а

вспышки вспомогательного света и затянувшаяся процедура, казалось, не сулили надежды на удачный исход. Но закончив осмотр, он то ли действительно поверил сам, то ли сделал вид, что всё как следует идёт, и мы поверили в него. Нам показалось, что закончилась полоса наших нынешних злключений и бед, и дальше нам обязательно повезёт.

Но дальше случилась депрессия – следствием нервного истощения от литературных потуг, прорехи денежных затрат и окончания удачных обязательств субсидирующей компании, содержащей меня на пособии, позволяющем мне едва-едва сводить концы с концами, а по-простому – жить, и, в довершении всего пандемия коронавируса, неожиданно свалившаяся всем на голову.

Но всё по порядку. Мы жили, как многие приезжие, в этой гостеприимной стране. Немного учились языку: сначала в бесплатной школе при церкви, затем в образовательном центре, поработали клерками в арлингтонском центре по трудоустройству. И когда нашему пребыванию на американской земле минуло пять лет, мы получили пособие, на которое безбедно стали жить в субсидированном жилье.

Наш дом был условно назван нами «домом миллионеров». Он был кондоминиумом – то есть домом собственников квартир, редкая из которых стоила меньше миллиона долларов. Но по договорённости с правительством графства Арлингтон в нём было несколько квартир доступного жилья. Так называли квартиры для малоимущих жителей, которые имели особый жилищный ваучер. Мы были среди них. Платили мы мало, остальное доплачивало графство.

«Им овладело беспокойство, охота к перемене мест...» Это не обо мне. Страсти бессмысленных путешествий я, казалось, не испытывал. Мне хватало впечатлений по пути в булочную. Встречные неожиданные красочки были мне по душе. Они были мимоходом, по случаю и мне достаточны. Переезд стал реальной причиной грусти домашних, но я скрытно радовался. Новый дом я приравнивал к путешествию в иную страну. «Одиссей» был для нас всё-таки средней привычной. Как-никак, похоже мы жили до этого в Москве.

В сборнике нереализованного у каждого есть своя романтическая страница. «Под небом голубым есть город золотой, с прозрачными воротами и яркою звездой. А в городе том сад, все травы да цветы...» поётся группой Аквариум. В первоначальной «Сюите для лютни», для группы исходной, было «над небом...», которую затем с «под» спел Борис Гребенщиков, что было естественным и приближало к современной сути.

В жизни свои истории с «над» и «под». Свойственны нам мечтания, романтика. Они уже меня давно не тянут, не влекут новыми местами. И раньше я чаще обходился «малой кровью», а ныне и совсем не гожусь в силу возраста. Но очутиться на далёком берегу, отрезанным от всего, без связи? Подвиг, мерещащийся космонавтам только в ужасном сне.

В основе своей Вашингтон – зелёный город. С цветущим по весне вишнёвым центром и зелёными анклавами. Для нас теперь таким сохранившимся зелёным кусочком стала маленькая городская речка “Four Mile Run”, обсаженная с обеих сторон, и имеющая забавную историю своего названия. Эта живописная городская речка своим именем обязана исторической данности – мельницам, построенным на этой речке в колониальные времена, и ошибке картографов, прочитавших на истёршейся карте не «Четыре мельницы», а «Четыре мили» и поживших свою ошибку в название новых карт. И эмблема у автобусной остановки рядом с Милл Центром у речки напоминает исходную историю.

Наш район, как здесь его называют официально графство Арлингтон, в России известен, ну разве что, своим арлингтонским кладбищем и геометрической фигурой Пентагона, хотя это существенная процветающая часть Большого Вашингтона. Фотограф и путешественник Илья Варламов назвал его даже лучшим городом Америки. Отгороженный от центральной части Вашингтона рекой Потомак, он как бы является маленькой соседней страной, со своим населением, и своими порядками.

Эмблема у Милл-Центра восстанавливает справедливость.

Улицы Вашингтона зачастую длинные и запутаны. Например, улица Кортхауз, у истоков которой нам довелось здесь жить, начинается в Рослине, возле одноимённой станции метро и продолжается далеко к югу, возле департамента Хьюмен Сервис. Так вышло исторически и с этим нам, наверное, повезло. Новый район прокладывался заново градостроителями. Чуть раньше он начал облагораживаться.

Наша новая квартира на верхнем восьмом этаже поднялась и над Колумбией Пайк и надо всем вокруг и дарит нам исключительный вид «с высоты».

Наша улица на глазах преображается. Построили дом на углу Вальтер Рид напротив кинотеатра «Арлингтон». На другом углу здесь магазин для художников с рамами картин, а по диагонали сквер, по воскресениям невероятно оживляющийся, превращающийся в фермерский рынок.

Вещий сон.

На новом месте мне снились странные сны. Однажды приснилось, что я в воде выкладываю стену. Обезвешенные камни укладывались очень хорошо. А ещё раз под утро приснился сон, в котором была для меня какая-то подсказка, намёк, связанная с морем и кораблями. В чём была её суть, я определенно не мог сказать, но мне казалось, что она меня куда-то выведет, какая-то смутная уверенность, что это именно моя стезя и на ней что-то важное меня ждёт. Среди перепутанных тропинок и обломков скал, в прогалах с изумрудной водой – конец смыслового клубка, который размотав, наконец, поймёшь. Во сне не было определённости, а только намерение и убеждение, что это именно то, что осталось мне в скудном ассортименте надежд.

Мне показалось, что я должен найти что-то для меня важное, но мною утерянное, в суете жизни незамеченное, которым, если пренебречь, ещё скажется в конце жизненного пути. Чем

поступится не вправе я и обязан уделить внимание. Возникло убеждение, что подсказкой не стоит пренебречь.

А корабли? Я ведь не моряк и только детство провёл у моря, встречаясь с ним после только изредка, по случаю и им не заморачиваясь. В чём для меня подсказка, где и как? Как с ней определиться? Оставалось перебирать сходные случаи, относящиеся к кораблям, полагая, что попутное выявится. В моей жизни не так уж много того, что можно отнести к плаваниям. Больше аналогии перемещений и впечатления. На корабли во сне другой бы раз я внимания не обратил, а тут зацепило и увлекло.

Как вообще стоит относиться к снам? Как к мусору, оставшемуся от дневных забот или как к профильтрованной реальности, очищенной от житейской шелухи, обоснованному провидению – свойству неразгаданных до конца глубин ума или только принятой им со стороны подсказки? Не знаю, не берусь рассуждать о том, в чём в полном смысле по жизни дилетант. Как говорится, «время покажет».

В жизни мы всё-таки, как не верти – моряки, плывущие по житейскому морю местного значения, хотя окружающее иначе называется и не в названиях суть. Захотелось собрать вместе разное, что относится к кораблям. Настоящие плавания и воображаемые. Ассоциации по впечатлению от перемещений и разных мест. В моей жизни не так уж много того, что можно отнести к истинным плаваниям. Больше аналогии.

Вид из окна.

В столовой, нашей living room, с дивана у стены через остеклённую сверху до низу внешнюю стену открывается чудесная картина. За деревьями не столько видно, сколько подразумевается оживлённая в любые часы Columbia Pike с её вечным разноцветным движением, а над ней карабкается на холм сплошная курчавящаяся зелёная стена. В просветах её видны красные стены редких прячущихся в зелени холма домов и так до его вершины, до абриса зелёного горизонта «под небом голубым». Вечером видно, как пролетают над ним по тёмному небу огоньки самолётов, а у основания холма зажигаются холодные люминесцентные огни местного цивильного пятачка Columbia Place. Особенно красочный вид осенью. Деревья осенней природной палитры, постепенно редющие. Пока наконец они не становятся редкой завесой и обнажённое на холме тоже выглядит красиво. Кирпичные стены издали напоминают средневековые крепости. Они венчали холм и как бы господствуют на высоте, наблюдая окружающее пространство. И мы смотрели и постоянно любовались и как-то раз даже стали свидетелями чуда. Из только что зажжённой звезды прочертила весь небосвод радуга-дуга, символ вечных надежд и чаяний.

Такой вид с нашего поставленного в комнате у стены дивана, как в раме картины в галерее. Но если взглянуть в лоб, то половину картины займёт близкий соседний дом -корабль. Он действительно похож на корабль.

Дом-корабль, маячивший в окне, напоминал мне другие корабли моей жизни. Эсминцы из детства на зеркале дальневосточной бухты Золотой Рог с балкона нашего дома. За Управлением пограничных войск, за нашей железнодорожной средней школой и привокзальными подъездными путями на зеркале бухты вытягивали свои серые тела эскадренные миноносцы, выкрашенные особой шаровой краской. Корабли сопровождения космических полётов «Юрий Гагарин» и «Академик Сергей Королёв», дежурившие в полётные дни у острова Сейбл с печальной славой «Пожирателя кораблей». Разные космические корабли, летавшие и не летавшие и в их числе лунный корабль, ставший центральным делом моей жизни, и «тяжёлый межпланетный пилотируемый корабль» к Марсу, начатый ещё при жизни нашего Главного конструктора С.П. Королёва.

Дом в Подлипках, в котором рядом с ОКБ жил Королёв, и сам походил на корабль. Его так и называли между собой. Он напоминает речной трёхпалубный пароход из кинофильма «Волга-Волга». Таким он остался и в наши дни – ветхий и скромный. Лишь мемориальная таб-

личка у одного из его подъездов ныне повествует о том, что именно здесь жил основоположник современной практической космонавтики в пору создания своих первых знаменитых ракет.

Всё в мире относительно. Каждый плывёт по житейскому морю одиноким мореплавателем. Вокруг свои водовороты и тускароры. Мир проплывает мимо в окне или иллюминаторе.

Начну с сороковых. Напряжённое предвоенное время. «В воздухе пахло грозой». На стадионе демонстрировались театрализованные военные представления. Ползали в противогазах дрессированные пограничные собаки, и всем казалось, что мы достаточно защищены.

От печали до радости.

Радости нет конца. Мы в международном вагоне с Дальнего Востока пересекаем всю страну. Я представляю, что наш вагон это – наш корабль, в котором мы плывём сквозь разные пейзажи. Мы – это семья военнослужащего: мой отец, мать, я – дошкольник и брат, которому полгода отроду. На Урале, в городе Кирове, бывшей Вятке, где традиционные механические заводы, на вокзале торгуют их побочной продукцией – чудесными заводными игрушками. Мне, восьмилетнему подростку как раз и покупают такую, и я, счастливый и радостный, вбегаю с ней в вагон. Мне хочется показать её всем, поделиться, похвастаться. Но все, приветливые обычно пассажиры сгрудились у тарелки репродуктора в конце вагона.

– Тише, – неожиданно строго говорят мне, – война.

Как не ожидали войну, она началась всё-таки неожиданно. Помню, предвоенные зрелища на стадионах, бойцы в маскировочных халатах. Помню, предвоенные песни о войне. И вот война.

«Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война», – пела Клавдия Шульженко.

Представления о войне и масштабах её были столь наивными, что мы продолжали ехать в отпуск на запад, миновали притихшую Москву и дальше, на юг, в Днепропетровск, на Украину, где в пригородном посёлке Воронцово мои дедушка и бабушка ожидали моего отца, любимого младшего сына, уехавшего по призыву служить на Дальний Восток, невестку – мою мать и нас, дальневосточников по рождению. В саду в ожидании гостей стояли черешни, укутанные марлей от птиц.

Родителей матери уже не было в живых, хотя она сама была из этих же мест. Родители матери в голодные годы умерли и их осталось пятеро девочек- сирот. Старшая, восемнадцати лет, оправилась добывать продовольствие на юг, среди других мешочников, но погибла, сорвавшись со сцепки переполненного поезда. И остались девочки одни, а старшей из них, моей матери было в ту пору четырнадцать лет. Она стала матерью для остальных, сумела всех вырастить и поставить на ноги, а потом вышла замуж и уехала на Дальний Восток. И вот война.

В Днепропетровске отцу разрешили остаться на пару дней. Уже начались бомбёжки. Ах, эти горькие минуты прощания. Бабушку и дедушку мы больше не увидели. Оккупацию и войну им не удалось пережить.

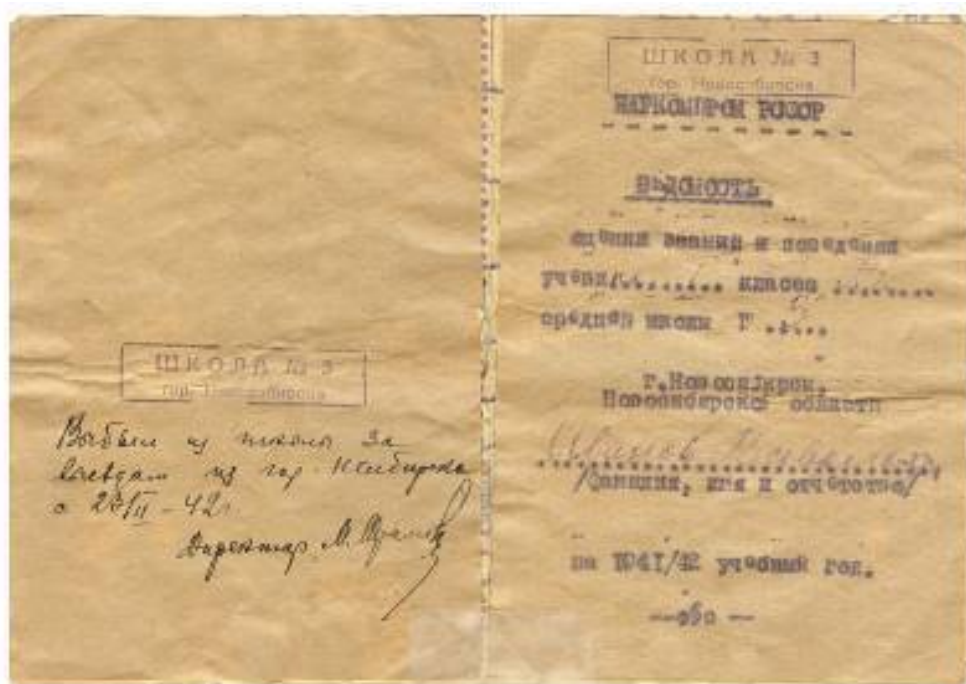
Мы возвращались через всю страну. На запад шли военные эшелоны, и пропуская их, наш поезд замирал на запасном пути. Пассажиры разбредались по окрестностям и, давая предупредительный гудок, машинист собирал всех. Остановки были самые неожиданные: среди поля, в лесу, на берегу Байкала. Я как бы поневоле практически познавал географию страны.

В школу я пошёл в Новосибирске, потому что семьи военнослужащих по возможности эвакуировали с Дальнего Востока. Опасались вступления Японии в войну, и захвата ею Даль-

него Востока. Весь регион Приморья был бы разом отсечён от страны стоило пересечь живительную ниточку железной дороги, проходившую вдоль пограничной реки Амур.

Впрочем, как говорится, хороший удар не пропадает. Боевые действия на территории МНР с дебютом комкора Г. К. Жукова на реке Халхин-Гол оказались стойким иммунитетом для японской военщины, вступившей в мировую войну разгромом американского флота в «жемчужной» гавани Перл-Харбор.

Первая зима войны выдалась очень жестокой. В первом классе в морозы мы сидели в классе в пальто, потому что стёкол в окнах класса не было и была ограниченная возможности исправить всё разом. Лозунг «Всё для фронта» стал очевиден всем.

Учебный табель 1941-42гг. на обёрточной бумаге.

Другой бумаги тогда для школьного табеля не было.

Япония – союзница фашистской Германии так и не решилась напасть на Советский Союз. Через полгода мы вернулись во Владивосток.

Единственным информационным источником тогда было радио. Сообщения информбюро о ходе войны перемежались паузами с песнями Утёсова. В мае 1945-го потоки транссирирующих очередей с соседних сопкок возвестили об окончании войны.

При всех предварительных оценках дороже всего был собственный опыт. Поражение в конфликте у реки Халхин-Гол удержало Страну восходящего солнца от нападения на СССР на стороне Германии, а неудачи СССР в войне с Финляндией наоборот убедили Гитлера в слабости советских вооружённых сил.

В городе было беспокойно. Участились стычки солдат с матросами. На улицах города появилась отчаянная вооружённая братва – «рокоссовцы». Так называли появившихся на улицах города солдат, хотя командовал дальневосточной операцией маршал Мерецков. В городе ходили слухи, что перед посадкой на корабль им давался полный боевой комплект и литр спирта. На короткое время их отпускали в город. Рассказывались ужасные истории. Мол, рокоссовцы постучали в дверь и попросили попить, а затем закатали в ковёр молодую девушку-домработницу одного местного бонзы и пронесли её с собой на десантный корабль. Десантники считались смертниками и им многое прощалось. Торпедные катера отправлялись с десантом в корейские порты Расин и Юки.

В воде залива я впервые увидел отражённый праздничный салют в честь Победы в Великой отечественной войне. Смеркалось, небо над сопками и воды залива внезапно разом расцвелись гирляндами транссирирующих очередей. Очереди с Орлиной, центральной сопки города. Вспышки в воде залива. Мне двенадцать лет. Мы одни с моим малолетним братом. Он спит. Пробую разбудить его. Пытаясь сделать его очевидцем этого исторического события. Обливаю его холодной водой.

В кинотеатрах демонстрировались документальные фильмы. И генерал-лейтенант Кузьма Деревянко от советской стороны подписывал акт о капитуляции Японии на борту линкора «Миссури». Ему предлагали для этого ручки, но генерал вынул свою, и это запомнилось актом самостоятельности. Красивые тогда были импортные ручки, разноцветные, перламутро-

вые. Возвращающиеся из Кореи привозили твёрдые зимние груши и разноцветные конфетки с химическим привкусом.

На центральной улице Ленинской открылся диковинный магазин «Особторг», в котором демонстрировались необыкновенные вещи. «Смотрите детки, – говорили о нём, – что ели наши предки». За десять рублей в нём можно было купить пирожное. На Первой речке возник перевалочный пункт-базар, где продавались трофейные вещи, которые выглядели роскошью вроде шёлковых покрывал. На ноябрьские праздники в городе состоялся военный парад. Парад для подростка (мне было двенадцать лет) был событием не простым, и я написал о нём свои первые неумелые стихи, начинавшиеся словами: «Я был сегодня очень рад, ходил я с братом на парад».

Конец войне и опять напряжёнка. Хиросима. На слуху были слова, сказанные министром иностранных дел Вячеславом Молотовым: «Будет у нас и атомная бомба и многое другое», это таинственное «другое» интриговало. Обещание таинственного другого внушало надежду, что всё для страны закончится в целом хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.